

... Некоторое время назад ...

- Итак, герр Шюльднер, во время нашей прошлой беседы вы упомянули то, что ваши слуги обнаружили признаки значительного месторождения серы, не так ли? - надев свою хитрую улыбку, Фридрих снова вступил игру.

- Да, это так, Ваша Светлость (извините, но не будет вам всяких Euer Gnaden, Durchlaucht и Erlaucht, ибо уж больно неправославно это звучит). Мои слуги обнаружили на территории одного из моих поместий мощную жилу самородной серы. К сожалению, у меня не хватает ни средств, ни сил, ни времени, чтобы попытаться извлечь из этого месторождения хоть какую-то пользу. В связи с этим я надеюсь продать право на его разработку, - из уст этого старого пройдохи, будто бы из рога изобилия, извергалась нежнейшая речь. Ох, если бы вы только слышали то, с каким трепетом этот герр относился к каждому слову, исходящему из его губ. Он их сам вкушал, будто бы то были не просто звуки, а прекрасные, нежнейшие розоватые персики. Клянусь, не будь этот пройдоха жалким мерзким хрычем, то он мог бы посоревноваться с самим Маэстро, прекраснейшим из когда-либо живших мужей! Брависсимо!

- Герр Шюльднер, я бы хотел выкупить у вас весь ваш участок со всеми сооружениями и зданиями на его территории. Договор уже составлен, вам осталось только подписать его. Как только вы это сделаете, мы перечислим вам ваши три тысячи дукатов... - что же, неплохая сумма... если бы речь шла о небольшом участке, на котором располагалась бы одна лишь мельница, да небольшой домик. Естественно, это просто оскорбительное предложение для владельца обширного поместья, на территории которого расположились: двухэтажный кирпичный особняк, примыкающая к нему малая оранжерея, большой виноградник, незначительный сад оливковых деревьев, небольшой сельскохозяйственный склад, пшеничное поле, небольшой спортивный корт, винный погреб и даже беседка. Даже по минимальной оценке стоимость этого участка - не менее 5 тысяч дукат (одно из крупнейших поместий в стране вообще). Стоимость возможного будущего урожая, вкупе со стоимостью цветов в оранжерее и вин в погребе, составляет примерно 500 дукат, хотя основной вклад в эту сумму вносят, конечно же, вина и цветы. Иными словами, Фридрих предложил Шюльднеру продать своё богатство буквально за копейки. Разумеется, Фридрих выбрал столь низкую планку потому, что знал о том, что герр Шюльднер будет упорно торговаться до самого конца. Если бы он сразу начал с приемлемой суммы, то по итогу торгов ему бы пришлось остановиться на ещё более высокой цене. Выставив же более низкую планку, он бы неторопливо торговался до нужной ему суммы, и по итогу это ещё и было бы благородной уступкой с его стороны. Казалось бы, откуда бы здесь быть столь колоссальной разнице в положении, но вот так вот работает безусловно прелестная человеческая психология, не изменяющая себе в своей исключительной рациональности.

- Ваша светлость, неужели вы сошли с ума? Неужто вы думаете, будто я соглашусь на столь абсурдную сумму? Я продам это поместье не менее чем за 10 000 дукат, причём следующий урожай должен будет остаться в моей собственности в полном объёме, - впрочем, безумным было не только предложение Луки. Пускай я и сказал, что 5 000 дукат за всё поместье - минимальная цена, это вовсе не значит, что эту цену можно растянуть до вдвое большей суммы. Скорее всего, если бы герр Шюльднер попытался продать его, то сумел бы выручить самое большое 5 300 дукат (это вместе с суммой будущего урожая, но вряд ли ему бы стали доплачивать примерно 100 дукат за него в середине весны).

- Герр Шюльднер, боюсь, вы не в том положении, чтобы диктовать мне свою волю. Видите ли, я располагаю сведениями, что вы должны 9 000 дукат мистеру Заремба. До меня также доходил слух, что если вы не возвратите полную сумму долга до 19 апреля (на момент разговора было 15 апреля), то всё ваше имущество арестуют и продадут с молотка, - карточные ли это долги, либо какие-либо ещё, Луке было абсолютно плевать. Он вовсе не собирался жалеть пройдоху, живущего не по средствам. Наоборот, в его намерении было извлечь максимальную выгоду из его глупости.

- Извините, Ваша Светлость, но я не совсем понимаю, к чему вы клоните. Полагаю, свойственная всем молодым людям юная наглость мешает вам это понять, но я не собираюсь соглашаться на ваше смешное предложение, как и не собираюсь как-либо отвечать на ваши пустые угрозы. Кто бы вам это ни сказал, он вам соврал. Я советую вам отказаться от услуг этого человека в дальнейшем. Если это всё, то, пожалуйста, будьте добры - у меня есть ещё дела, требующие моего внимания... - видать, Фридрих действительно задел его за живое, раз он стал столь грубым при общении. Что же, ему же хуже, ведь он только что фактически признался в том, что погряз в долгах, как в шелках.

- Что же, полагаю, мне действительно стоит отлучиться к герру Зарембе, чтобы сообщить ему ваши слова о том, что он «лжец, с которым мне не стоит более работать». Сергей, подай коня, мы уезжаем... - оу... а вот это было зря, конечно. Стоит ли подобный удар исподтишка того, что ты раскрыл свой источник, подвергнув сомнению и его репутацию, и его доверие к тебе?

- Ваша Светлость, постойте, пожалуйста. Милостиво прошу вас, ваша светлость, простите меня за столь вопиющее неуважение к вам. Ваша Светлость, смею полагать, вам интересны некоторые мои дела. Раз так, то почему бы нам не пройти в обеденный зал и не обсудить их за бокалом игристого? - впрочем, угроза, на этот раз, блестяще сработала. В первую очередь, благодаря авторитету самого мистера Зарембы, конечно же.

- Что же, почему бы и нет? Я, в принципе, не против продолжить нашу беседу в более приятной обстановке, герр Шюльднер.

... Пройдя в гостиную, Фридрих уселся на модненькой софе, будто бы она уже была его собственной. Хозяин же, тем временем, отлучился за бумагами, бумагой, пером и пишущими материалами ...

- Ваша Светлость, не желаете ли отведать местного вина? - спросил у Луки уже немолодой слуга, невинно предлагая ему на выбор лишь полное отсутствие выбора и отказ. Как-никак, в эти смутные времена первого расцвета культуры эпохи Возрождения виноделам ещё не были знакомы стеклянные бутылки и пробки, так что подавляющая часть вин не имела выдержки вообще. Разумеется, подобное для привыкшего к красным сухим винам 5-летней выдержки Луки было абсолютно неприемлемо. Впрочем, вряд ли бы он согласился распивать вино при обсуждении финансовых вопросов, даже если бы ему предложили его любимый Рамон Бильбао.

- Нет, мне стакан молока, пожалуйста. Кстати, не забудьте его вскипятить, - к сожалению, местную воду пить банально опасно для жизни, а спиртные напитки - не очень то и хочется. Вот и остаётся один единственный вариант - пить молоко (которое, впрочем, тоже стоит

вскипятить, прежде чем пить). Одна проблема - Фридрих ещё не знал, что употребление молока не очень то и поощряется местным обществом. Причина до боли проста - знаменитые средневековые врачи всё ещё считают его крайне вредным, особенно для зубов и желудка (Фридрих пояснил бы, что вредно, а что нет, располагай он сам подобными знаниями, но, увы).

- Вы уверены, Ваша Светлость? Не поймите меня неправильно, мне не составит труда обеспечить вас стаканом молока, но не стоит ли вам беречь своё здоровье? - разумеется, ему об этом тут же не замедлил рассказать первый встречный и поперечный.

- На сей раз, я проигнорирую твоё неприемлемое поведение, а теперь иди за молоком, - Фридрих же, привыкнув к косым взглядам других, даже не стал обсуждать это, ограничившись повторным приказом.

<http://tl.rulate.ru/book/66483/1761638>